

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА

В.Н. КАРПУХИНА

vkarpukhina@yandex.ru

д-р филол. наук,
профессор Алтайского
государственного университета
Барнаул, Россия

Ключевые слова:

*русскоязычный интертекст,
постмодернизм,
переводческий дискурс*

DOI: 10.37632/PI.2020.279.2.010

Основная задача статьи – выявить ключевые лингвоаксиологические стратегии переводческого дискурса при передаче постмодернистского текста с русского языка на английский. В результате исследования было определено, что русскоязычный интертекст романа Бориса Акунина ориентирован на максимальное узнавание массовой аудиторией. Однако за легко опознаваемыми интертекстуальными элементами романа скрывается двойная ирония автора и рассказчика в тексте, что создает специфические аксиогенные ситуации переоценки текстов русской классической литературы. Эндрю Бромфильд, переводчик романа Акунина на английский язык, адекватно воссоздает прагматический потенциал иронических отсылок интертекста. Аксиогенные ситуации иронического использования сюжетных ходов русских модернистских текстов в романе Акунина при переводе остаются в пространстве затекстовой информации.

Статья посвящена прецедентным текстам, формирующим поле русскоязычного интертекста в переводе на английский язык романа Бориса Акунина «Алмазная колесница» [12]. Интертекстуальные элементы, создающие систему отсылок к произведениям русской классической литературы в постмодернистском романе, используются автором с намеренной иронией и зачастую выявляют аксиологическую релятивность взаимоотношений автора с русской классикой. Предметом рассмотрения в статье выступает постмодернистский переводческий дискурс. Его основными тенденциями можно назвать реинтерпретацию уже существующих переводов, возникновение новых переводов вместо переводов, ставших прецедентными в культуре, а также максимальную адаптацию переводного текста [5, 6]. Данный тип дискурса может быть признан разновидностью переводческого дискурса в целом, который, как и любой институциональный дискурс (см. [4: 6]), обладает своими уникальными целями и ценностями. Основной целью переводческого дискурса является аккультурация иноязычной, инокультурной информации в пространстве языка перевода. В постмодернистском переводческом дискурсе данная лингвоаксиологическая стратегия достаточно часто заменяется стратегией остранения текста оригинала в принимающей культуре (ср., например, стратегические решения В.П. Руднева при создании нового перевода «Винни-Пуха» А.А. Милна [9] или В. Арканова при переводе текстов Дж.С. Фоера [10]). Материалом для рассмотрения в данной статье являются русскоязычный текст романа Бориса Акунина «Алмазная колесница» [1, 2] и его перевод на английский язык, выполненный Эндрю Бромфильдом [12]. Бромфильд, один из самых известных переводчиков классической и современной русской литературы на английский язык, достаточно

часто использует макростратегию адаптации постмодернистских текстов как ключевую стратегию переводческого дискурса. Но если при переводе ранних романов Бориса Акунина (например, романа «Азазель») Бромфильд использовал прием внутритекстового и затекстового комментирования культурно-исторических реалий, в которые включались и интертекстуальные отсылки к текстам русской литературы (см. об этом [13]), то позже этот прием уже не является ключевым при адаптации текста оригинала.

Русскоязычный интертекст в романе Бориса Акунина «Алмазная колесница» составляют достаточно разнородные элементы: имена персонажей классической русской литературы (Чацкий, Онегин, Печорин), названия хрестоматийных текстов русской классики («Капитанская дочка»), скрытые аллюзии на узнаваемые сюжеты классической и модернистской русской литературы. Как и любой постмодернистский текст, роман «Алмазная колесница» рассчитан на массовую аудиторию, однако он дает этой аудитории иллюзию «элитарности» за счет вовлечения читателя в игру с максимально узнаваемыми интертекстуальными элементами (ср.: [7, 11]). В «ироническом детективе», как определяет жанр своего цикла романов о Фандорине сам автор, отсылки к узнаваемым интертекстуальным элементам достаточно часто функционируют в дискурсе не самых прозорливых персонажей, создавая эффект двойной иронии автора и рассказчика: «Скажите пожалуйста. Ушишки крендельками! Височки расчесаны волосок к волоску! Пресыщенная томность во взоре! Чацкий, да и только. Онегин. И путешествия ему, как все на свете, надоели» [2: 8]; «...Причина тут может быть только одна: вы наверняка очень любите Японию! Я угадал? – Нет, – пожал плечами Печорин и покосился на гвоздику в консуловой петлице. – Как можно любить то, чего совсем не знаешь?» [2: 8]; Но Онегин, оглядев все это великолепие, построил кислую мину... [2: 9]. Передавая данные элементы русскоязычного интертекста при переводе романа «Алмазная колесница» на английский язык, Эндриу Бромфильд активно использует лингвоаксиологическую стратегию адаптации текста оригинала. Приемы адаптации, применяемые переводчиком, могут быть следующими: в зависимости от оценки возможностей потенциальной аудитории переводимого постмодернистского текста переводчик может выбрать либо прием комментирования интертекстуальных фрагментов переводного текста, либо прием элиминации затекстовой информации, не расширяя информационное пространство

текста оригинала. Прием минимального внутритекстового комментирования применяется в том случае, когда Бромфильд добавляет к имени персонажа прецедентного текста русской классики фамилию автора текста: *And a moustache curled into little loops, if you please! Not a single hair out of the place on those temples! And that languorous, blasé expression in the eyes! Griboedov's Chatsky, to an absolute T. Pushkin's Onegin: 'And, like everything in the world, travelling palled on him'* [12: 123]. Легко узнаваемая русскоязычным читателем цитата из пушкинского романа в стихах передается не с помощью прецедентных переводных версий «Евгения Онегина», а ритмизованным подстрочником, маркированным, в отличие от текста оригинала, пунктуационными знаками «чужого текста» (цитата в переводе заключена в кавычки). В данном случае можно проинтерпретировать приемы лингвоаксиологической стратегии адаптации, применяемой переводчиком при передаче элементов интертекста, как приемы экспликации (минимального внутритекстового комментария: *Griboedov's Chatsky, Pushkin's Onegin*) и элиминации затекстовой информации (ситуация с цитатой, оставшейся без комментария, но отмеченной в тексте как цитата).

Особые аксиогенные ситуации, т.е. «ситуации, осмысление которых прямо связано с определением ценностей» [3: 7], создаются в оригинальном тексте «Алмазной колесницы» при использовании приема нанизывания интертекстуальных отсылок или их нарочитого столкновения для создания комического эффекта: в пределах двух страниц текста Эраст Петрович Фандорин, только что прибывший на службу в Японию, иронически именуется консулом Дорониным поочередно Чацким, Онегиным и Печориным [2: 8–9]. Переводчик-постмодернист, адаптируя русскоязычный текст для носителей английского языка, намеренно сокращает цепочку наименований главного героя, элиминируя из последнего звена цепочки аллюзий упоминание о наименее известном для английского читателя персонаже русской классической литературы: «Причина тут может быть только одна: вы наверняка очень любите Японию! Я угадал? – Нет, – пожал плечами Печорин и покосился на гвоздику в консуловой петлице. – Как можно любить то, чего совсем не знаешь?» [2: 8]. – *'There can only be one reason for it: you must have a great love for Japan! Am I right?' – 'No,' the latter-day Onegin said with a shrug, squinting at the flower in the consul's buttonhole. 'How can one love what one does not know?'* [12: 123]. Подобная адаптационная замена нарушает

правила аксиогенной ситуации иронической игры с русским классическим интертекстом, заданные автором текста оригинала, но выполняет прагматическую функцию упрощения информационной насыщенности текста перевода, ориентированного на иноязычную аудиторию. Многие исследователи полагают, что хрестоматийный текст лермонтовского романа не получил адекватного перевода на английский язык (см.: [8: 78–79]), вследствие чего имя Печорина не стало прецедентным для носителей английского языка и не может вызвать у них таких же устойчивых ассоциаций с прецедентными текстами русской классики, как имена Чацкого и Онегина. Полагаем, что адаптационная замена прецедентных имен персонажей русского классического интертекста в переводе «Алмазной колесницы» на английский язык связана именно с этим фактом.

В аксиогенных ситуациях обыгрывания сюжетных ходов, отсылающих к классическим текстам русского модернизма, Борис Акунин использует в романе скрытые аллюзивные отсылки, которые, тем не менее, тоже являются легко узнаваемыми для русскоязычного читателя. Например, в главе «Серебряная туфелька» второго тома «Алмазной колесницы» один из интертекстуальных элементов отсылает к «Мастеру и Маргарите» М.А. Булгакова: – *Сюрприз! – с хохотом орал Дон, показывая на портьеру, которой была закрыта одна из стен. Визг донесился именно оттуда. Дирижер залихватски взмахнул палочкой, пожарные грянули разухабистый мотивчик, и занавес распался, открыв шеренгу девиц в газовых юбках* [2: 121]. Знаменитая цитата из булгаковского романа, начинающаяся с приказа кота Бегемота «*Мастро! Урежьте марш!*», в данном случае не воспроизводится дословно, но отсылка к ней в ситуации описания скандального японского варьете, безусловно, присутствует. Однако, с нашей точки зрения, переводчик акунинского текста на английский язык не передает данную аллюзию, оставляя ее в пространстве затекстовой информации и не сопровождая каким-либо комментарием: *'Surprise!' he shouted, pointing with a laugh to the curtain that covered one of the walls. That was where the squeal had come from. The conductor waved his baton dashingly, the firemen rendered a thunderous, rollicking little motif, and the curtain parted to reveal a line of girls in gauzy skirts* [12: 188]. Ни лексически, ни стилистически данный текстовый фрагмент не отсылает к прецедентным переводам «Мастера и Маргариты» на английский язык, и вероятность опознания интертекстуальной отсылки иноязычным читателем в данном случае очень мала.

В современном глобальном пространстве коммуникации «культурообразующими» становятся наиболее стереотипные, узнаваемые элементы, дающие лишь иллюзию понимания иной культуры [5: 10]. Подобное происходит при построении системы интертекстуальных связей романа «Алмазная колесница»: для русскоязычного читателя претексты должны быть максимально узнаваемыми, известными преимущественно по школьной программе курса литературы. Адаптационная стратегия переводчика-постмодерниста в качестве результата своего действия имеет то, что интертекстуальные элементы, создающие в тексте романа Бориса Акунина пространство диалога с текстами мировой культуры, передаются по большей части как отсылки к текстам английской литературы (например, к тексту шекспировского «Гамлета»). Хокку, завершающее главу «Сумасшедшее счастье» во втором томе «Алмазной колесницы», содержит вполне узнаваемый элемент шекспировского текста:

*Быть или не быть –
Глупый вопрос, если ты
Хоть раз был счастлив* [2: 355].

*A stupid question,
This 'to be or not to be',
Once you've been happy* [12: 367].

Восстанавливая оригинал шекспировской цитаты при переводе текста с русского языка, Эндрю Бромфильд, однако, все же вновь маркирует данный фрагмент текста как «чужую речь» с помощью пунктуации, в отличие от версии Бориса Акунина.

Таким образом, русскоязычный интертекст постмодернистского романа Бориса Акунина «Алмазная колесница» оказывается ориентированным на максимальное узнавание массовой аудиторией. Однако за легко опознаваемыми интертекстуальными элементами романа зачастую скрывается двойная ирония автора и рассказчика в тексте, что создает специфические аксиогенные ситуации переоценки текстов русской классической литературы. Эндрю Бромфильд, переводчик романа Бориса Акунина на английский язык, достаточно адекватно воссоздает прагматический потенциал иронических отсылок интертекста хрестоматийной русской классики. Он более скрупулезен при маркировании элементов «чужого текста» в «Алмазной колеснице» и при обозначении атрибуции интертекстуальных отсылок. Аксиологическая релятивность постмодернистского романа в ситуации перевода сглаживается. Аксиогенные ситуации иронического

использования сюжетных ходов или стилистических моделей русских модернистских текстов в романе Бориса Акунина при переводе остаются в пространстве затекстовой информации. Более актуальными оказываются стереотипные,

узнаваемые элементы английского классического интертекста, что, безусловно, связано с широко используемой Бромфильдом аксиологической стратегией адаптации текста оригинала. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Алмазная колесница. В 2 т. Т. 1. Ловец стрекоз. М., 2003.
2. Акунин Б. Алмазная колесница. В 2 т. Т. 2. Между строк. М., 2003.
3. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград, 2015.
4. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 1999.
5. Карпухина В.Н. Литературные хронотопы: поэтика, семиотика, перевод: Монография. Барнаул, 2015.
6. Карпухина В.Н. Новые интерпретации классической детской литературы в постмодернистском переводческом дискурсе // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы Всероссийской межвузовской научной конференции. СПб., 2015.
7. Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня: Учебное пособие. М., 2009.
8. Набоков В.В. Предисловие к «Герою нашего времени» // Казакова О.В. Особенности художественного перевода: Практикум-хрестоматия. Ростов н/Д, 2006.
9. Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного языка. М., 2000.
10. Фокс Дж.С. Полная иллюминация: Роман / Пер. с англ. В. Арканова; Под ред. В. Вайнер. М., 2013.
11. Черняк М.А. Массовая литература XX века: Учебное пособие. М., 2007.
12. Akunin B. The Diamond Chariot. London, 2011.
13. Karpukhina V.N. Multilingual Communication Space in English Translations of Boris Akunin's Texts // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. № 1.

References

1. Akunin B. Almaznaya kolesnitsa [The Diamond chariot]. In 2 vols. Vol. 1. Lovets strekoz [The catcher of dragon-flies]. Moscow, 2003.
2. Akunin B. Almaznaya kolesnitsa [The Diamond chariot]. In 2 vols. Vol. 2. Mezhdud strok [Between the lines]. Moscow, 2003.
3. Karasik V.I. Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy [Language spiral: values, signs, motifs]. Volgograd, 2015.
4. Karasik V.I. Religiozniy diskurs [Religious discourse]. In: Yazykovaya lichnost': problemy lingvokulturologii i funktsional'noi semantiki [Linguistic identity: problems of cultural linguistics and functional semantics]: The collection of academic works. Ed. by V.I. Karasik. Volgograd, 1999.
5. Karpukhina V.N. Literaturnye khronotopy: poetica, semiotica, perevod [Literary chronotopes: poetics, semiotics, translation]: a monograph. Barnaul, 2015.
6. Karpukhina V.N. Novye interpretatsii klassicheskoi detskoj literatury v postmodernistskom perevodcheskom diskurse [New interpretations of classic children's literature in the postmodernist translator's discourse]. In: Gertsenovskie chteniya. Inostrannyye yazyki [Herzen's readings. Foreign languages]: The Proceedings of Russian scientific conference. St. Petersburg, 2015.
7. Kupina N.A., Litovskaya M.A., Nikolina N.A. Massovaya literatura segodnya [Mass literature today]: A manual. Moscow, 2009.
8. Nabokov V.V. Predislovie k "Geroyu nashego vremeni" [The Preface to "The hero of our time"]. In: Kazakova O.V. Osobennosti khudozhestvennogo perevoda [Specific features of literary translation]: A practical manual. Rostov-on-the-Don, 2006.
9. Rudnev V.P. Vinni Pukh i filosofiya obydennogo yazyka [Winnie-the-Pooh and the philosophy of everyday speech]. Moscow, 2000.
10. Foer J.S. Polnaya illuminatsiya [Everything is illuminated]: A novel. Tr. from the Russian V. Arkanov. Ed. by V. Vainer. Moscow, 2013.
11. Chernyak M.A. Massovaya literatura 20 veka [Mass literature of the 20th century]: A manual. Moscow, 2007.
12. Akunin B. The Diamond Chariot. London, 2011.
13. Karpukhina V.N. Multilingual Communication Space in English Translations of Boris Akunin's Texts // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. № 1.

V.N. Karpukhina

RUSSIAN INTERTEXT IN TRANSLATION: AXIOLOGICAL LINGUISTICS OF POSTMODERNIST TEXT TRANSLATION

Russian intertext, postmodernism, translator's discourse.

The paper considers precedent text creating Russian intertext in the novel *The Diamond Chariot* by Boris Akunin and its translation into English. The object under consideration is intertextual allusions, both in the original and in translation of the novel. The subject analyzed is the postmodernist translator's discourse. The paper aims at revealing the key axiological linguistic strategies used in translation of the postmodernist text from Russian into English. The research resulted in the fact that Russian intertext of Boris Akunin's novel is made for being understandable by mass audience. But the author's and narrator's irony lies beneath those recognizable intertextual elements which create specific axiogenic situations of re-evaluation Russian classic literature texts. Andrew Bromfield, the translator of Akunin's novel into English, reconstructs adequately the pragmatic potential of intertextual ironic allusions. Axiogenic situations of ironic usage of Russian modernist texts plots in Akunin's novel go behind the scene in translation.

Директор ИРЯ РАН, член-корреспондент РАО М.Л. Каленчук, научный руководитель ИРЯ РАН академик А.М. Молдован: «От имени коллектива Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН выражаем глубокое соболезнование в связи с кончиной известного лингвиста, президента Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, академика РАО Виталия Григорьевича Костомарова, внесшего значительный вклад в развитие отечественной русистики и распространение русского языка за рубежом».

Ректор РГПУ им. А.И. Герцена Сергей Богданов: «Мы потеряли не только беззаветного служителя науки, но и замечательного человека. Окружающие всегда отмечали доброту, готовность прийти на помощь и высокие моральные принципы Виталия Григорьевича. На протяжении всего жизненного пути Виталий Григорьевич Костомаров всегда сохранял оптимизм и уверенность в своих силах. Его кончина стала непоправимой утратой, горькой потерей для всей России».

Коллектив русской школы «Матрешка» (г. Роттердам, Нидерланды): «Уважаемые коллеги! С прискорбием узнали о кончине прекрасного человека, выдающегося лингвиста и методиста, замечательного организатора и руководителя Виталия Григорьевича Костомарова. Его уход – невосполнимая потеря для всех русистов во всем мире! Его имя навсегда будет связано с возникновением и развитием РКИ и, конечно, с Институтом русского языка им. А.С. Пушкина. Память о Виталии Григорьевиче навсегда останется в сердцах миллионов людей!»